

М.А. Полиевктов

**Записки историко-филологического
факультета Императорского С.-
Петербургского университета.**

**Часть 85. Балтийский вопрос в русской
политике после Ништадтского мира (1721-1725).**

УДК 304
ББК 60.5
М11

М11 **М.А. Полиевктов**
Записки историко-филологического факультета Императорского С.-Петербургского университета.: Часть 85. Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира (1721-1725). / М.А. Полиевктов – М.: Книга по Требованию, 2024. – 380 с.

ISBN 978-5-4241-3763-1

ISBN 978-5-4241-3763-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
ПРЕДИСЛОВІЕ	I
ВВЕДЕНІЕ. Ништадтскій миръ и его значеніе	1
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Балтійскій вопросъ во вторую половину Сѣвер- ной Войны. 1709—1721	18
ГЛАВА ВТОРАЯ. Отношенія Россіи къ Даніи и Швеціи въ 1722 г. (Зундскій вопросъ и Голштинское дѣло)	101
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Русско-шведскій союзъ 1724 г.	132
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Балтійскій вопросъ въ отношеніяхъ Россіи къ Франціи, Австріи и Пруссіи въ 1722—1724 гг.	176
ГЛАВА ПЯТАЯ. Балтійскій вопросъ въ русской политикѣ послѣ заключенія русско-шведскаго союза. 1724—нач. 1725 г.	229
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Голштинскіе происки. 1724—нач. 1725 г.	278
ЗАКЛЮЧЕНІЕ	298

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Проектъ Штамбе 1720 г.	1
II. 1) Изъ письма А. Бестужева къ Петру Великому 7 ноября 1721 г.	5
2) Письмо бар. А. И. Остермана къ А. П. Бестужеву 12 дек. 1721 г.	6
III. Инструкція Вестфалену 10 марта 1722 г.	9
IV. Экстрактъ изъ письма бар. Шлейница къ сыну 2 (13) февр. 1722 г. Парижъ.	15
V. Реляція Вестфалена 18 (29) сент. 1723 г.	17
VI. Рескриптъ М. Бестужеву 27 іюля 1723 г.	25
VII. <i>Pensées sur les moyens de faire retablir Sa Serenité le Holstein dans son souverain Duché de Sleswic.—Feвр. 1723</i>	29
VIII. Инструкція А. Бестужеву 12 іюня 1723 г.	31
IX. Претензіи, предъявляемыя Россіей ганноверскому двору, и условія примиренія съ Англіей. Ноябрь 1723 года	33
X. Роспись герцогскихъ курляндскихъ доменовъ, находившихся въ закладѣ и подлежащихъ выкупу. Декабрь 1721 года	37

	СТРАН.
XI. Рескриптъ М. Бестужеву 17 іюля 1724 г.	39
XII. Рескриптъ М. Бестужеву 24 іюля 1724 г.	43
XIII. Raisonnement sur la Reconciliation avec le Roi d'Angleterre.—	
Іюль 1724 г.	46
У к а з а т е л и: 1) Личный	1
2) Географическій	11

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящее изслѣдованіе не претендуетъ на какую-либо особую новизну сообщаемаго имъ фактическаго матерьяла или на значительность своихъ выводовъ. Авторъ изслѣдованія ставилъ себѣ болѣе скромную цѣль—сгруппировать нѣкоторыя данныя изъ исторіи внѣшней политики Россіи въ послѣдніе годы Петровскаго царствованія, относящіяся къ балтійскому вопросу, поставить ихъ въ связь съ тою сложною сѣтью дипломатическихъ отношеній, въ какую, силою общихъ условій, была вовлечена русская политика въ эпоху Сѣверной войны, прослѣдить на фонѣ обще-европейскихъ международныхъ отношеній постановку и развитіе въ русской политикѣ балтійскаго вопроса непосредственно послѣ заключенія Ништадтскаго мира.

Послѣдніе годы Петровскаго царствованія, какъ годы болѣе систематической, устроительной работы, смѣнившей собою поспѣшную, лихорадочную и, зачастую, полную противорѣчій дѣятельность военнаго времени—вотъ то положеніе, какое, повидимому, начинаетъ упрочиваться за послѣднее время въ научной исторической литературѣ.

Въ области вопросовъ внѣшней политики это положеніе должно быть дополнено характеристикой указанной эпохи, какъ времени планомѣрной дипломатической борьбы, бывшей прямымъ, логическимъ продолженіемъ только что закончившейся вооруженной борьбы за балтійское побережье и обусловленной въ многихъ своихъ частностяхъ тѣмъ, какъ сложились отношенія Россіи къ Европѣ за предшествующіе годы. Дать подобнаго рода характеристику русской внѣшней политики 1722—1725 годовъ—конечно далеко не полную и не всестороннюю—и составляло основную задачу

настоящаго изслѣдованія. Насколько удачно выполнена имъ эта задача, судить объ этомъ самъ авторъ можетъ, конечно, менѣе, чѣмъ кто бы то ни было другой. Онъ твердо будетъ отстаивать законность подобнаго рода постановки вопроса и его научную благовременность.

Въ основу настоящаго изслѣдованія положенъ архивный матерьялъ, въ значительной своей части почти не подвергавшійся еще научной обработкѣ, по крайней мѣрѣ, въ русской исторической литературѣ. Тѣмъ не менѣе авторъ не рѣшился бы назвать своего труда написаннымъ на основаніи, главнымъ образомъ, неизданныхъ источниковъ. Первая глава изслѣдованія, имѣющая очень существенное значеніе для дальнѣйшаго изложенія, цѣликомъ зиждется на печатномъ матерьялѣ и частью даже на болѣе раннихъ научныхъ изысканіяхъ; да и въ послѣдующемъ изложеніи обнародованные уже источники и научная обработка данной эпохи зачастую позволяли автору дополнить и уяснить въ существенныхъ чертахъ ту картину, которая обрисовывалась передъ его глазами при чтеніи пыльных страницъ посольскихъ реляцій и правительственныхъ инструкцій. Эта картина поблекла и пожухла на печатныхъ страницахъ настоящей книги, обратилась во многихъ своихъ частяхъ въ сухой планъ, безжизненную схему. Передъ самимъ авторомъ она стоитъ еще и теперь, сверкая своими красками и маня своими далекими перспективами. И въ этомъ авторъ обязанъ исключительно тѣмъ, что ему довелось соприкоснуться съ такою живительною мощною силою, какою являются архивные документы въ ихъ сыромъ нетронутомъ видѣ.

Изъ архивнаго матерьяла, привлеченнаго для настоящаго изслѣдованія, преобладающее мѣсто принадлежитъ, конечно, русскимъ дипломатическимъ документамъ — дѣламъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ за соотвѣтствующіе годы, хранящимся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (въ изслѣдованіи эти документы цитируются, безъ упоминанія каждый разъ мѣста ихъ храненія, по тѣмъ рубрикамъ, по какимъ они распределены въ архивѣ — Дѣла Французскія 1723 г. № 4; Дѣла Прусскія 1721 г. № 3 и т. п.). Только на основаніи дипломатическихъ документовъ данной страны можно писать исторію

ея внѣшней политики; только эта категорія документовъ помогаетъ правильно установить основную точку зрѣнія, уяснить изъ инструкцій правительства его виды и изъ посольскихъ реляцій то положеніе дѣлъ, съ какимъ правительство могло считаться въ проведеніи своей программы. А когда изслѣдователю посчастливится напасть на такой сочный и нервный матерьялъ, какимъ являются, напримѣръ, для начала XVIII вѣка посольскія донесенія обоихъ братьевъ Бестужевыхъ, то этотъ матерьялъ введетъ его въ изучаемую эпоху лучше любого обобщающаго научнаго труда, и при томъ, съ той именно стороны, съ какой она раскрывалась передъ глазами главныхъ дѣйствующихъ лицъ его изслѣдованія. И тѣмъ не менѣе достичь полнаго и вполне правильнаго пониманія внѣшней политики данной страны невозможно безъ привлеченія, къ дѣлу наряду съ этимъ, иностранныхъ архивныхъ документовъ. Только изученіе этой послѣдней категоріи документовъ раскрываетъ передъ изслѣдователемъ всю ту сложную закулисную работу центральныхъ учрежденій другихъ государствъ, результатомъ которой являлись столь противорѣчивыя извѣстія, въ обиліи переполняющія посольскія реляціи, и тѣ или другія мѣропріятія официальныхъ представителей этихъ государствъ въ данной странѣ, мѣропріятія, зачастую преслѣдующія совершенно инныя цѣли, чѣмъ тѣ, которыя ими выставлялись. И только послѣ этого становится возможнымъ рѣшить вопросъ, насколько ясно и правильно дипломатическіе дѣятели данной страны представляли себѣ всѣ очередные вопросы международной политики во всей ихъ совокупности. Съ другой стороны, иностранные дипломатическіе документы знакомятъ насъ и съ тѣмъ, какъ вырабатывались правительственныя мѣропріятія данной страны, и какую борьбу вели по поводу ихъ тѣ отдѣльныя живыя личности, которыя, вмѣстѣ взятыя, составляютъ отвлеченное понятіе правительства. Съ этимъ сложнымъ процессомъ документы первой категоріи, въ силу самого своего официального характера, обрисовывая правительственныя мѣропріятія лишь въ ихъ окончательномъ видѣ, знакомятъ изслѣдователя очень мало. Авторъ настоящаго изслѣдованія радъ, что въ свое время ему удалось воспользоваться столь существенными для избранной имъ темы документами прус-

скаго и датскаго государственныхъ архивовъ (въ Берлинѣ и Копенгагенѣ) и пополнить свое изложеніе данными почерпнутыми изъ государственныхъ архивовъ саксонскаго и австрійскаго (въ Дрезденѣ и Вѣнѣ). (Документы всѣхъ этихъ архивовъ цитируются въ изслѣдованіи съ обозначеніемъ (по русски) мѣста нахожденія соотвѣтствующаго архива и той рубрики, подъ которой они въ этомъ архивѣ хранятся— Копенгагенъ. Westphalens Orders 1719—1730; Дрезденъ. Sachen mit Moscau 1723; etc...) Авторъ глубоко сожалѣетъ, что недостаточное знаніе шведскаго языка почти совершенно лишило его возможности привлечь къ дѣлу матерьялъ, хранящійся въ шведскомъ государственномъ архивѣ (въ Стокгольмѣ), а недостатокъ времени заставилъ, при изученіи французскихъ дипломатическихъ документовъ, ограничиться матерьяломъ, напечатаннымъ въ «Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества», изданіи, не лишнемъ, въ своихъ соотвѣтствующихъ томахъ, крупныхъ пробѣловъ и недочетовъ.

Личное дѣло по замыслу и выполненію, почти всякое научное изслѣдованіе можетъ быть осуществлено лишь благодаря той самой разнообразной коллективной поддержкѣ, какую встрѣчаетъ изслѣдователь среди его окружающихъ и близкихъ. Авторъ настоящаго изслѣдованія точно также съ глубокою признательностью вспоминаетъ всѣхъ тѣхъ, кто такъ или иначе содѣйствовалъ осуществленію задуманной имъ работы. На первомъ мѣстѣ здѣсь должны быть поставлены имена двухъ его университетскихъ учителей, профессоровъ С.-Петербургскаго университета С. Ѳ. Платонова и Г. В. Форстана. Первый изъ нихъ научилъ пишущаго эти строки уважать въ научной работѣ строгость и методичность въ изслѣдованіи и осторожность въ выводахъ, и оказалъ ему, кромѣ того, существенную поддержку въ его научныхъ занятіяхъ, устроивъ его оставленіе при университетѣ. Второй вдохнулъ въ него любовь къ архивной работѣ, помогъ ему войти въ изучаемую эпоху и, что, быть можетъ, особенно дорого, постоянно поддерживалъ въ немъ, наряду съ интересомъ къ избранной имъ темѣ, интересъ ко всему, что лежало и за ея предѣлами, не разъ напоминая великій завѣтъ великой эпохи: «homo sum et nihil humanum mihi alienum est». Наряду

съ вліяніемъ этихъ двухъ своихъ учителей авторъ всегда съ глубокою благодарностью вспоминаетъ то вліяніе, какое оказывалъ на него въ началѣ его научныхъ занятій покойный академикъ Л. Н. Майковъ.

Историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета, согласившись на оставленіе автора при университетѣ, не разъ оказывалъ ему, кромѣ того, существенную матерьяльную поддержку, что особенно выразилось въ устройствѣ ему въ 1900—1901 г. заграничной командировки и въ согласіи на напечатаніе настоящаго изслѣдованія въ факультетскихъ «Запискахъ»...

Во всѣхъ архивахъ и библіотекахъ, въ которыхъ ему пришлось заниматься, авторъ встрѣчалъ самое предупредительное и любезное къ себѣ отношеніе со стороны личнаго состава этихъ учреждений. Однимъ изъ лучшихъ воспоминаній въ его жизни навсегда останется для него время его занятій въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Государственномъ Архивѣ въ Петербургѣ, въ Императорской Публичной Библіотекѣ и въ Библіотекѣ С.-Петербургскаго университета, въ Государственныхъ Архивахъ въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Дрезденѣ, Копенгагенѣ и Стокгольмѣ.

Со стороны всѣхъ своихъ близкихъ и товарищей по научной дѣятельности авторъ точно также встрѣчалъ всегда самое сочувственное отношеніе къ своей работѣ. Онъ искренне признателенъ И. И. Лапшину, раздѣлившему съ нимъ трудъ чтенія корректуръ, и въ особенности В. В. Майкову, взявшему на себя наблюденіе за печатаніемъ послѣднихъ листовъ книги и заботы объ ея выпускѣ въ свѣтъ. Съ чувствомъ искренней радости вспоминаетъ авторъ тѣ дружескія бесѣды, какія завязывались у него по поводу его работы съ А. Е. Прѣсняковымъ. Но больше всего и прежде всего онъ считаетъ себя обязаннымъ своей матери, въ свое время сумѣвшей вдохнуть въ него уваженіе къ научной дѣятельности, а впослѣдствіи своими неустанными заботами создавшей для него наиболѣе благопріятныя для занятій условія. Ей по праву и должна быть посвящена настоящая работа.

ВВЕДЕНИЕ.

Балтійское море, его бассейнъ и побережье не безъ основанія принято считать главною ареною исторической жизни сѣверныхъ націй. Такія грандіозныя историческія явленія, какъ колонизаціонное движеніе въ бранденбургской маркѣ, расцвѣтъ торговаго могущества ганзейскихъ городовъ, ростъ новгородской республики, реформаціонное движеніе XVI вѣка, промышленное соперничество Англіи и Голландіи, образованіе прусской монархіи, все это имѣло мѣсто, въ значительной степени, на равнинахъ балтійскаго побережья. Все это занесено на страницы исторіи «Средиземнаго моря Сѣвера» и переплетается здѣсь съ другими, болѣе мрачными воспоминаніями—набѣги нормановъ, истребленіе поморскихъ и полабскихъ славянъ, кровавая исторія меченосцевъ и тевтонскаго ордена, борьба съ Ливоніей Іоанна Грознаго, династическое соперничество польскихъ и шведскихъ Вазъ, завоевательная политика Густава-Адольфа и его преемниковъ... Такого рода воспоминанія даже отгѣсняютъ здѣсь порою болѣе мирныя преданія старины. Балтійскимъ берегамъ суждено было чаще служить ареною ожесточенной политической борьбы націй и государствъ, чѣмъ поприщемъ мирнаго культурнаго развитія народовъ. Владѣтельные нѣмецкіе князья, датчане и шведы попеременно оспаривали другъ у друга господство надъ водами Балтики, обладаніе ея берегами, выходъ изъ нея въ океанъ. Съ половины XVII вѣка Вестфальскимъ миромъ здѣсь было заложено основаніе шведскаго владычества, вскорѣ упроченнаго договорами Карла X съ датчанами, поляками и русскими въ Копенгагенѣ, Оливѣ и Кардиссѣ. Шведское владычество продолжалось недолго; Великая Сѣверная война разрушила грандіозное, но лишенное внутренней прочности зданіе политики Густава-Адольфа и его преемниковъ, и Ништадтскій миръ открылъ дорогу къ Балтійскому морю новому европейскому государству—Россіи.

Традиційная цѣль московской политики на Западѣ, намѣченная еще Іоанномъ Грознымъ и его продолжателемъ Борисомъ Годуновымъ и не забываемая въ теченіе всего XVII вѣка, была достигнута; но завоеваніе далось не даромъ и ставило завоевателю новыя задачи. Длинный и трудно охраняемый сухопутный рубежъ со Швецією уступилъ мѣсто извилистой береговой линіи съ удобными и хорошо защищенными отъ природы гаванями—Ригою, Пернау, Ревелемъ, Нарвою и С.-Петербургомъ. Защита морской границы была, однако, новымъ дѣломъ для московскаго государства, привыкшаго биться съ врагомъ на сухопутномъ рубежѣ, дѣломъ, требовавшимъ не малыхъ расходовъ, а новый сухопутный рубежъ по Двинѣ, подходя къ курляндскому герцогству, приближалъ Россію и къ новому для нея сосѣду—Германіи и сѣверному авангарду послѣдней, Пруссіи. Взамѣнъ далекой, кружной дороги черезъ Архангельскъ или неудобнаго и небезопаснаго сухого пути черезъ Польшу для сношеній съ культурными странами Запада открывался прямой морской путь; но къ нему надо было еще приучить главные торговые флоты Европы—голландскій и англійскій, давно привыкшіе къ бѣломорской дорогѣ, и, въ то же время, оградить отъ излишней иностранной конкуренціи само русское купечество, которое, по мысли правителя, должно было принять активное участіе въ русской внѣшней торговлѣ.

Обиліе рѣкъ и озеръ во вновь приобрѣтенномъ береговомъ краѣ создавало возможность удобнаго сообщенія съ центральными областями. Устья нѣсколькихъ многоводныхъ рѣкъ переходили къ Россіи, и если господство на небольшомъ протяженіи надъ обоими берегами З. Двины могло имѣть только стратегическое значеніе, то обладаніе берегами Невы—этого естественнаго пролива между Балтійскимъ моремъ и Ладожскимъ озеромъ—получало уже значеніе крупнаго факта въ торговомъ и промышленномъ отношеніи и открывало широкія перспективы для будущаго. Работы по проведенію Ладожскаго канала, возбуждавшія живой интересъ въ Европѣ, далеко еще, однако, не были приведены къ концу *).

*) Современники, сравнивая это предпріятіе съ Лангедокскимъ каналомъ Людовика XIV, находили, что оно далеко оставляетъ за собою послѣдній по своей грандіозности. „Il n'y aura point de pareille ouvrage à trouver en Europe, la jonction des deux mers, qui c'est fait sous Louis XIV, par un pareil canal, doit être un jeu d'enfant en comparaison de celui-ci“.—Вестфаленъ 15 (36) сент. 1724.